

Д. Г. Евстафьев, Л. А. Цыганова

УДК 72.01, 72.03

ББК 85.113(2)

DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_88

Д. Г. Евстафьев¹

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
devstafiev@hse.ru*

Л. А. Цыганова²

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
ltsyganova@hse.ru*

ПРОСТРАНСТВО И ПАМЯТНИКИ. ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ В ЭПОХУ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ И «НОВОГО УРБАНИЗМА»

В представленной статье анализируется соотношение памятника и пространства через призму нового урбанизма. Авторы, предпринимая попытку деконструкции городских пространств с целью выявления социокультурных артефактов и элементов пространства, создающих социально-значимый эстетический эффект, стремятся поставить целый ряд вопросов, которые могли бы в дальнейшем стать основой для обновленного дискурса о синергии социальности и эстетики в постглобальном мире. Взаимосвязи памятников, пространств и смыслов, которые они транслируют являются фокусом осмысления культурно-исторических процессов, а применительно к пространствам городов современной России, – отражают неоднозначность исторических процессов в России в XX веке и противоречивость социального и социально-экономического развития современных мегаполисов. Такое положение существенно осложняет выстраивание социально структурирующих социальных коммуникаций в современных городах. Авторы стремятся выявить

---

¹ Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва.

² Цыганова Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва.

и обозначить системные связи между социальными процессами и формирование новой пространственной эстетики городов, которая, с одной стороны, уже не может быть построенной как рефлексия экономического постиндустриализма в силу кризиса глобализации, во всяком случае, её экономического базиса. А с другой, – пространственная эстетика городов сейчас формируется в противостоянии с архаикой, которая уже не может ассоциироваться только с неурбанизированными пространствами и формирует внутригородские анклавы. Авторы видят главный риск развития городских пространств в том, что в условиях отсутствия доминирующего вектора социального развития вполне возможна и эстетическая хаотизация, формирование в городах эстетических «пустошей», наполняемых социальной архаичностью и не создающих полноценной социокоммуникационной среды.

Ключевые слова: Памятники, пространство, социокультурное пространство, новый урбанизм, новая эстетика

Введение

«Пространство», кажется, одна из самых сложных категорий для всех, кто пытается его осмыслить. И для философов, и для социологов, и для культурологов. Да и для тех, кто пытается относиться к жизни с позиции «квалифицированного потребителя», но не лишен некой социальной рефлексии. И при этом является социально-вовлеченным человеком, пользующимся достижениями и мировой культуры, и актуальной модели социального поведения, сколь бы он критически к ней не относился

Что такое город как социальная категория? С одной стороны, это пространство, структурированное вполне понятными визуальными идентификаторами, для первичного понимания которых не требуется дополнительных знаний, но для глубинного осмысления необходимо знание исторического контекста и просто опыт освоения этого пространства. Структурирование социального пространства начинается (появляется) и развивается через возникновение, эволюцию, иногда утрату социальных связей, этими визуальными идентификаторами и порожденных. Но, с другой стороны, город – это время, овеществленное в коммуникациях и опять, прежде всего, визуальных, которые лучше, чем литературные источники расскажут нам о смене исторических и социальных эпох. Первоначально идентификаторы могут иметь различные значения – функциональное, эстетическое, историческое, но, будучи вовлеченными в социальные процессы, становятся символическими фокусными точками. В противном случае в городе возникает некая пустота. Поначалу она

просто визуальна, но со временем становится социальной. И заполнить её очень часто бывает нечем.

В этом и состоит главная методологическая сложность понимания современного города и его социокультурных артефактов: современная городская социально-значимая эстетика находится в промежутке между социальностью, не существуя вне её, эстетикой, как таковой, и миром коммуникаций, в котором доминируют цифровые интегрированные коммуникации, обладающими целым рядом специфических свойств, связанных с управлением реальностью.

Иными словами, социальное пространство города ограничивается визуализированной рациональностью памятников, трансцендентностью социальных связей и ассоциаций и возможностями доступных социально-вовлеченному горожанину каналов коммуникаций.

Пользуясь метафорой российского философа Валерия Подороги (1946–2020), описывавший философское восприятие пространства Киркегора, как географию «двух пространств», одно из которых «вещественно, автобиографично, телесно... зримо», а второе, «беспредельно внешнее», не осваиваемое как человеческий опыт и в силу этого – «незримое» [6, 29], зададим себе вопрос, а что есть для нас пространство современного города, к какому из двух пространств оно тяготеет и к какому тяготеем мы? И что такое «памятники» в каждом из двух пространств?

Город стирает грань между реальностью и фантазией, ибо сам часто является фантазией, как петровской фантазией на тему Европы стал Санкт-Петербург, а послевоенный Севастополь – такой же по сути, но сталинской фантазией на тему античности. Мы почти невольно наполняем город персонажами книг, которые читали, делая себя частью фантазии, которая сосуществует с реальностью ЖЭКа и ремонта улиц. Мы перемешиваем пространство и время, и это возможно только в городе, который есть произвольное пространство социальных фантазий, литературных откровений, творчества и обсыпавшейся лепнины.

Культурологам позволена и деконструкция, и абстракция, но есть ли целостность в нашем восприятии того пространства, что мы считаем «городом» и которое этим самым «городом» формально может и не быть, оставаясь всего лишь поселком городского типа с несколькими зданиями и облупившимся фонтаном в стиле «суровых сталинских времен». Важно не то, является ли некое пространство «городом». Важно то, насколько мы это пространство осознаем в качестве города. Иными словами, и здесь мы возвращаемся в призрачный мир интегрированных коммуникаций, который поглощает социальное пространство современного горожанина.

Наверное, есть, но тогда эта грань и отделяемое ей от мифа и фантазии пространство социальной реальности невозможно без «узлов», на которых строится коммуникация в пространстве. Памятники как раз и выступают такими ориентирами, связующими прошлое, настоящее и будущее, но выступающими над мифами. Но городской мир, это и есть трансформированный и когда-то актуальный социальный смысл, содержание которого то ли утрачено, то ли забыто.

Вот и поговорим о пространствах, памятниках и смыслах.

Памятник как феномен пространства

Памятники – максимально широкое понятие (письменные, скульптурные, архитектурные и т. д.), которое только есть в социальной философии. В городском пространстве памятники – это обычно монументальные, скульптурные и архитектурные сооружения (скульптуры, колонны, арки, здания). Памятники выполняют различные функции: архитектурно-эстетические – организации пространства; социокультурные – увековечивание событий, личностей, побед, памяти; политические – легитимации власти. Памятники являются культурными артефактами и артефактами культуры, являющиеся символами коллективной памяти, организованной, как снизу (памятник А. С. Пушкину в Москве, И. А. Крылову и А. Ф. Крузенштерну в Санкт-Петербурге), так и сверху (Храм Христа Спасителя, причем, как и в случае с созданием, так и с воссозданием, поскольку и во втором случае, при всей поддержке общественности, решение было принято «сверху»), и контроль над его выполнением тоже обеспечивался сверху).

За короткий период человечество в переходный период от глобализации к постглобализации пережило под влиянием пандемии быстрый переход из гибридного (социально-виртуального) формата в виртуальный и обратно. Человечество возвращается в пространственный (реальный, как противопоставление виртуальному) мир, вернее, его возвращает туда сама жизнь, доказавшая, что, информационное пространство, конечно, много безопаснее реальной жизни, но гораздо больше подвержено манипуляциям. И если не знать меру – разрушает то, что близко каждому человеку. Значительная часть общества так и останется в «информационной утопии», в соцсетях, что способствует росту различных их форматов. В социальной стороне глобализации было очень много того, что называется «социальный эскапизм», боязнь принятия не только политических, но и социальных решений, боязнь «маленького человека» оказаться в большом, почти неограниченном мире, где угрозы не ограничиваются бытовыми неприятностям, вопреки тому, что рассказывали энтузиасты глобализации. Но стоит

признать, что большая часть человечества будет все-таки рада выйти из пандемического заточения. И выйдет она в относительно новый мир, и этот мир будет – в абсолютном большинстве – миром городов.

С чем мало, кто спорит, так это с идеей, что именно городские пространства останутся центром выработки новой социальной модели и принципов культуры, хотя как это может произойти без формирования некоего экономического базиса, окончательно понять сложно. В чем-то наши специалисты по культуре и социальному развитию мыслят будущее в терминах «просвещённого феодализма», когда в городах беседуют о философии люди с прекрасными лицами, а вокруг них трудятся на полях пейзаже, обеспечивающие герцогам, философам и примкнувшей к ним челяди «хлеб насущный». Идиллически безумные картинки будущего современных городов не отменяют главного – в современном мире просто нет иных пространств, нежели современные нам урбанизированные центры, где могли бы вырабатываться новые идеологические конструкты, включая и новую эстетику. Новая эстетика, становится одним из важнейших условий конкурентоспособности общества, а с ним и государства, в новом мире. А значит есть смысл говорить о времени, пространстве и людях, олицетворяющих современный город, без всего этого остающийся всего лишь скоплением пространств и памятников, символом ушедших или уходящих исторических и экономических эпох.

Пространство, в действительности, это много больше, чем некая плоскость для выстраивания артефактов культуры и размещения продуктов социальной деятельности человека. Пространство современного мира, как минимум, трехмерно, учитывая значение информационного общества, а, возможно, обладает ещё более сложной структурой, до конца непонятой ни на уровне социальной философии, ни на уровне «пользовательского» освоения. Пространство города ещё более многомерно, но главное, в социальном смысле пространство города в существенно большей степени связано с прошлым, нежели и жизнь человека, и развитие мира. Город в социальном плане оказывается существенно более консервативным элементом общественной ткани, чем все остальные... Тем более человек. Человек всегда в своем желании развития опережает город, но город напоминает человеку о том, откуда он взялся и куда вернется, когда сил на вечное броуновское движение в информационном пространстве и мировом коловращении людей уже не останется. Город всегда имеет продолженность и в прошлое, и в будущее, но если ретроспекция в прошлое овеществлена и дана нам в ощущениях, то проекция в будущее существует в наших мыслях, мечтах, на практике, порой реализуемых в «бумажной архитектуре», но чаще в общественных дискуссиях.

Пространство города меняется, особенно в том, что касается эстетики, что есть важнейший инструмент трансформации пространственности в потребительски пригодный феномен. Согласитесь, на наших глазах, в пределах двух поколений максимум, городской культурный контекст прошел путь от «осязаемой социальной объемности», когда культурный артефакт был связующим звеном городской эстетики, социальной жизни и истории, пригодной к освоению большинством горожан, – через отделение памятников от истории, социальную эмансипацию и превращение их в некий социально мертвый артефакт, визуализацию прошлого, в значительной массе не понимаемую, или понимаемую фрагментарно жителями. Связующая историческая и социальная нить становится просто элементом пространства.

Следующий шаг, обусловленный информационными технологиями, возможность трехмерной визуализации вне пространства. Вы можете рассмотреть памятник – статую, инсталляцию, здание, не имеет значения, во всех деталях у себя на компьютере и даже в реконструированном «вмещающем ландшафте». Беда только в том, что, становясь визуальным объемным при перенесении в социальное пространство, социокультурный артефакт становится социально плоским в информационном пространстве. Либо же чрезмерно перегруженным разного рода аллюзиями, как получилось с памятником Ф. Э. Дзержинскому. Собственно, мир динамично развивающейся глобализации и предлагал социальное упрощение, как основу модели развития.

Возвращение социокультурного артефакта предполагает, прежде всего, возвращение к социальной многомерности. Пространство, даже если оно наполнено трансформированными или даже чуждыми социальными связями, в любом случае побуждает и в каком-то смысле принуждает к социальной многомерности. В постпандемическом мире этому будет способствовать многовекторность социального развития и конкуренция в «серых» зонах пространственного взаимодействия между основными глобальными игроками (и их коалициями), способность той или иной коалиции к распространению собственной модели социального и социокультурного взаимодействия.

Вообще, человечество, будучи пока неготовым к экономическому переосвоению городов, уже сейчас начинает испытывать потребность в социальном их переосвоении за пределами чисто потребительской, если хотите, пользовательской модели восприятия города, отчасти унаследованной от советского периода, когда «города-сады» строились для жителей, а не жителями. А раз на повестки дня новое социальное понимание переосвоение

городского пространства, то принципиальное значение приобретают базовые пространственные параметры конкретного пространства, его способность обеспечивать воспроизводство социокультурных процессов и культурных артефактов.

Мы не просто внутри Истории, как писал К. Ясперс [11, 271–277]. Мы её социальные носители. Что есть история? Это есть групповая, общественная, коллективная память, воплощенная в социальную деятельность и увязываемая с каждодневностью. А современные коммуникации дали нам возможность актуализировать «прошлую каждодневность» в каждый данный момент времени, создавая фантазмагорическую ситуацию, когда возникает невозможность «законченного прошлого», когда невозможна ситуация, когда то или иное событие окончательно отодвигается от «мира сегодня», когда «мир вчера» становится невозможным.

Феномен «незаконченного прошлого» комфортен тем, что переводит человеческое развитие в режим «вечной эволюции», но страшен тем, что он лишает нас возможности полноценного будущего. Сладкая патока повседневности и постоянного соотношения себя с прошлым, причем в большинстве случаев – прошлого обывательского.

Но это значит, что мы находимся и внутри пространства, обладающего совершенно иными свойствами. Но, значит и памятники находятся в совершенно новом пространстве, где они уже не могут быть памятниками нашему и чьему бы то ни было «минувшему». Они есть часть нашего настоящего.

Феномен нашей российской жизни в том, что Россия в последние 30 лет интенсивно, иногда даже с некоей озверелостью строит новое социальное пространство, отказываясь, вернее, пытаясь отказаться от целых сегментов истории, объявив их «темными веками», но упорно возвращается в пространство нашей повседневности, наполненное памятниками и культурными артефактами, актуализирующими наше прошлое и его противоречия. А все потому, что другого пространства жизни у нас нет. Не только в крупных российских городах, но и в небольших, где все пронизано коммуникациями из прошлого, которые никак не могут стать полноценным «прошлым», отрефлексированным и упокоенным в нашем сознании, удерживая нас в «недонастоящем», не давая уйти в предбудущее.

Пространство города как жертва трансформаций страны и мира

XX век – век не только социальных, но и пространственных трансформаций. Менялись не только «большие» пространства, но и малые. Менялись пространства, где люди ставили памятники.

Менялись пространства, куда приходили люди, чтобы встречаться, что и породило феномен (причем феномен глобальный и надсословный) «парков культуры», переживших целый век и социально почти не изменившихся. Менялись пространства, где люди работали и приобретали возможность реализовывать свои социальные потребности, говоря марксистским языком.

Вообще феномен XX века как эпохи грандиозного терраформирования и перелопачивания социального пространства ещё ждет своего политически отстраненного исследователя. Но XX век был, безусловно, «веком городов». В городах происходили самые главные политические трансформации, города, в отличие от сельской местности, изменились до неузнаваемости с точки зрения социальных условий, в городах мы видим наиболее яркие, а иногда пугающие социальные трансформации. Наконец, города становятся первыми жертвами кризиса глобальной модели развития, по привычке именуемой «капитализмом». И этот кризис, прежде всего, бьет по «слабым точкам» городской жизни, по тем, где ощутима некая «пустота».

Но тогда и памятники тоже становятся «стражами пустоты» не так ли, ну или по крайней мере стражами утраченных смыслов? Как рекламный плакат, на котором написано: «В этом месте мог бы быть смысл». Мы, и правда, наблюдаем многие «возвращающиеся бумеранги» пространств, утративших в последний век свой смысл и странным образом его возвращающих.

Самый очевидный пример – это даже не Красная площадь, вернувшая себе под суровым взором вождей у Кремлевской стены, зачем-то статус пространства для ярмарочных балаганов и безумств дизайнеров модных брендов. Самый очевидный пример – «Хитровка», за один век прошедшая путь от социальной клоаки тогдашней Москвы к вполне по-советски пристойной площади Максима Горького с Электромеханическим техникумом, а затем – к «новой пустоте», в сумерках наполняемой деклассированным элементом.

Если посмотреть на все эти примеры отстраненно, то во всех них есть некая трагическая общая черта: одна историческая эпоха оставляет на теле города социальную «проплешину», которую, не осознав разницы, асинхронности исторических эпох, пытаются заделать, наслаивая на частично утраченный, но исторически обусловленный смысл смыслы из другой эпохи. Получая в результате сперва эстетический, потом смысловой, а в завершении – и социальный хаос. Собственно, так и происходит «разрыв связи времён» [1], который есть социальное явление, данное нам в эстетических ощущениях.

Собственно, все дискуссии последнего времени о памятниках сводятся к попытке ответить на один и тот же вопрос: как заполнить

«пустоту» в городском пространстве. Что логично с точки зрения управления городом как просто набором земельных активов и объектов недвижимости,

Но, увы, мало кто задается вопросом, зачем её заполнять и почему эта «пустота» так опасна. Потому, что тогда надо попытаться понять город как систему смыслов, иногда противоречивых, а иногда и просто содержательно утраченных.

Памятники как свидетели «войн забытых смыслов»

Отношение к памятникам как к артефактам прошлого и исторической памяти обуславливает то, как они охраняются и сохраняются [12]. Зададимся вполне закономерным вопросом: а что такое «войны памятников», что мы наблюдали в последние годы по всему миру (а не только, как казалось в США и Европе)? На первый взгляд, это всего лишь развитие в условиях демедиатизации и существенно большей социальной атомизации тех же самых процессов «идеологической деструкции», свидетелями которых мы были в позднесоветский и ранний постсоветский период. Но дело, думается, гораздо сложнее, и оно отражает те фундаментальные социальные трансформации, конечно, связанные с глобализацией, но локализируются в локальном пространстве с локальными смыслами, что также стоит иметь в виду:

- Войны социальных и социально-политических идентификаций, то есть, попытка трансформировать прошлое в будущее, причем вопреки логики глобализации, для которой восстановление идентичностей «смерти подобно» [10]. Многовекторное прошлое, формируемое на Западе, порождает многовекторное настоящее, но ещё и многовекторное восприятие настоящего, чему свидетельство – политические последствия множачихся «американских историй» в сегодняшнем дне.

- Аннулирование политических противников путем «аннулирования» их исторической базы. Но эстетика здесь также не имеет принципиального значения, а вот социальные смыслы более чем важны, в особенности, если они отражаются не только в истории, но и в конкретной действительности.

- Трансформация пространства (изменение социальных границ пространства). Исчезновение памятника или культурного артефакта создает пустоту, оккупирующую агрессивный социальный смысл.

- Наиболее безопасное политическое «окно Овертона». Снести памятник существенно более безопасно, чем запретить политическую партию или социальное движение, да даже арестовать неудобного политика. Вернее, так кажется, ибо никто и никогда ещё не смог оценить правильно последствия «стрельбы в прошлое» в момент самого выстрела.

Но это совсем не эстетика. Это самая что ни на есть политика, политическое манипулирование, которое пытается подстроиться под меняющийся социальный контекст.

В итоге, мы возвращаемся к тому, что социальное содержание является первичным для любого пространства. Но социальное пространство не является самоподдерживающимся.

Феномен «Патриков» – это феномен не пространства, а некой социальной общности, выделенной из общества и противопоставленной ему. Она тождественна во многом (а во многом просто совпадает) с сообществом «Рублевка», просто название выглядит чуть более благозвучно. Но сам факт пространственной локализации, а если говорить проще, использования даже не слэнгового, а новоязычного, сознательно искаженного названия (что также несет на себя густой отпечаток социального размежевания) локации в Москве. Но сама по себе локация не играет почти никакой идеологической или организующей роли. Это просто удобный коммуникационный символ, социально-историческое содержание которого – «Патриаршие пруды», то есть, пруды, исторически и социально связанные с Православной церковью – то ли сознательно выхолащивается, то ли размывается сам по себе (что скорее) в силу отсутствия социального контекста, поддерживающего это содержание. Феномен «Патриков» выглядит как попытка локального сообщества преодолеть пресловутую ловушку «слабых связей» (реального одиночества, оттененного коммуникационным включением в «свой круг») [4, 14-29], то есть, доминирования коммуникационной аффилированности в реально существующей городской среде, которая подразумевает связи, подразумевающие поддержание их на уровне практических действий.

Да и, в сущности, встает вопрос: а не превращается ли памятник в чисто коммуникационное явление. Из социального артефакта – в коммуникационный символ, оторванный от той социальной почвы, на чем он должен не просто стоять, но из чего вырастать. И чем становится пространственно-социальная среда, возникающая вокруг «памятников», перестающих быть памятниками в полном смысле этого слова в таком случае.

Новый урбанизм в социально-экономическом вакууме

Трагедия нового урбанизма в попытке предложить – вполне в рамках тенденций глобализации – городскую эстетику без заранее спланированного, продуманного социального смысла. В результате пространство заполнилось смыслом, более соответствовавшим «духу» деиндустриализировавшегося и в целом, «потерявшего себя» города, в прошлом города ремесленников и босяков, купцов и тонкой душевной организации интеллигентов. Вы думаете, что это

про Москву? Да, но нет, – это почти про любой российский город, во всяком случае, в европейской части страны.

Потрясающе по своей откровенности концепция «тактического урбанизма», сформулированная не последними западными архитекторами и специалистами по организации пространства Майком Лайдоном и Энтони Гарсиа [5]. Она внешне является продолжением «теории разбитых окон», но, по сути, с социальной точки зрения, гораздо глубже: важно создать некую форму, эстетически привлекательный контекст, и благоприятные социальные процессы начнут формироваться как бы сами собой, под воздействием вмещающего пространства. Потому, что таковы будут носители социальных отношений, приходящих в это «объестеченное» пространство.

Упрощая, но до определенного предела: новый урбанизм, был продуктом возникновения в мегаполисах новой экономической среды, связанной с деиндустриализацией и превращением городов из промышленных центров в финансовые, а в социальном плане – в пространства высокого качества потребления и опережающего развития потребительской культуры. Отсюда и небеспеченное восприятие постиндустриального капитализма, как общества квалифицированных потребителей, цивилизационно противостоящих «рэднекам» и «ватникам», в зависимости от политической географии. Людей, креативно создающих будущее, не замарывая рук тяжким трудом [9], противостоящие людям условного «прошлого». При этом забывалось, что «прошлое» постоянно привносилось в «настоящее» за счет тех же самых технологий, на которые опирались «люди, создававшие будущее»

Но в условиях, когда жертвами информационных технологий стали как раз те отрасли, где и создавалась экономическая база для мега города, начал размываться социальный смысл супермегаполиса. А на исторической арене появился его величество прекариат – почти тот же «креативный класс», только деклассированный и пауперизированный. Беда в том, что этот самый «прекариат» только в книгах социологов [7] выглядит нестрашно, социально опасно, но не так, чтобы очень. На деле он ежесекундно рождает настроения неограниченной протестности, протеста против всего без какой-либо четко отрефлексированной цели. Но назвать её «социально-политической» не поворачивается язык.

И встал законный вопрос: а для кого весь этот «новый урбанизм», если в современном городе нет слоев или, как минимум, скоро не будет, способных его социально-экономически освоить и цивилизационно осмыслить? Вот мы и приходим к нехитрой мысли, что «тактический урбанизм» – урбанизм без социальных смыслов, есть ловушка институционализма.

Пространство становится порождением ограждающих его институтов и ритуалов (как доска почета советских времен, где вручали почетные грамоты и принимали в пионеры) или людей, это пространство наполняющих, порождающих взаимоотношения и даже конфликты, дающие толчок к развитию человека, общества, города и мира.

Россия прошла по пути «нового урбанизма», урбанизма постиндустриального мира, возможно, и несколько меньше, чем многие другие развитые страны, но все же достаточно далеко, чтобы ощутить на себе многие практические последствия социальной атомизации.

Вместо заключения: городская эстетика: воспоминания о будущем

А какой социальный смысл заложен в современном крупном российском мегаполисе? И какой смысл призваны охранять, как часовые памятники и прочие культурные артефакты, и старые, и недавно построенные, и те, что ещё только предстоит возвести? И может ли он стать источником новой эстетики?

И какова эстетика города, трансформированная через систему интегрированных коммуникаций, в результате чего визуальные образы пространств и людей становятся размытыми, но все ещё узнаваемыми [2]. И где границы, за которыми узнаваемость пространства переходит в его, пространства, мифологизацию. В какой момент наш фантазийный «город», о котором мы говорили в начале, отрывается от реально существующего пространства. В какой момент Александр Ярославович Рюрикович начинает жить в одном пространственно-временном континиуме с Феликсом Дзержинским?

Ведь стоит же на Москве памятник Святому и Равноапостольному князю Владимиру, никогда не бывавшему даже рядом с этим городом. И стоит он на месте, где когда-то планировалось поставить эстетически не безупречный, во всяком случае «в первом приближении», но бесспорно значимый, с точки зрения социального значения, подземный выставочный зал музеев Московского Кремля, дружно оплеванный тогдашними «протоурбанистами». Мораль: если пространство не заполняется новыми социальными смыслами, если хотите смыслами прогнозными, то в это пространство заползает архаика, причем совершенно не имеющая отношения к «историческому облику» и всем тем псевдоаргументам, обычно в таком случае приводимым.

Эстетическая пустота – рефлексия пустоты социальной, а социальная, – отражение утраты современными городами своих изначальных функций как центра индустриальных систем. Это вполне очевидный процесс, многократно описанный, проанализированный и признанный «исторически прогрессивным». Что остается не вполне

осознанным, так это то, что в новом мире цифровизированных политических и экономических отношений, глобализации и виртуализации финансов, функция города, как финансового центра и центра премиального потребления, что, собственно, и было одной из главных «завлекалок» постиндустриального капитализма, перестает быть востребованной, как минимум, в той мере, как это было раньше [2]. В таком случае встает естественный вопрос: чем станут города, если глобализация сохранит свою стратегическую актуальность? Этот вопрос незримо присутствует почти в любой дискуссии об образах будущего, получая трактовку от радикальной (необходимость принудительного расселения городов) до либеральной (невидимая рука рынка сохранит за городами некие экономические функции, а, кто «не вписался», того просто очень жаль).

Мы сталкиваемся с опасным противоречием: современная коммуникационная действительность вполне вписана, привязана к системе исторической мифологии, но совершенно не связана с социальным пространством. Но это и порождает эстетическую пустоту, на которой, кажется, и споткнулся современный нам постиндустриальный капитализм, вдруг обнаруживший, что «демократия», «свобода», «институты», «развитие» и прочие термины – всего лишь выхолощенная изнутри словесная оболочка, под которой прячется «ничто» [3], которое есть не просто отсутствие смысла, а уже антисмысл, разрушающий все, что есть вокруг него. Когда даже правильные слова приносят разрушения.

И, если из совокупности смыслов, составляющих наше эстетическое восприятие – экономических, социальных, политических, цивилизационных, так как, без связи с землей нет российского человека, мы не англичане, способные годами воссоздавать в уме образы туманной родины, сидя на «окраинах империи», как писал Сомэрсет Моэм, – убрать наше российское пространство, эту бескрайнюю и кажущуюся плоской равнину, то получается не просто пространственная бессмыслица, но «черная дыра», поглощающая смыслы и открывающая время назад.

Современный город, как социальное и эстетическое пространство, угасает, несмотря на все попытки достичь в нем максимального потребительского комфорта. Угасает потому, что город – любой, в любой стране мира – это пространство «человека действующего» [8], труженика и бунтаря, босяка и интеллигента, но не потребителя главное различие между типами которого – в степени квалифицированности.

Главный же вывод, из внешне эстетических нестроений последних лет в России, на поверку вовсе не являющихся только эстетическим, состоит в том, что, споря о памятниках, мы начинаем

спорить не только о нашем прошлом, но и о нашем настоящем. Теперь главное сделать шаг вперед к разговору о будущем, а не назад, к бесконечному переписыванию прошлого, а значит – к разговору о будущей эстетике пространства в широком смысле этого термина. Эстетике, которая восстановит разрушенную временем и людьми «связь времен», став одной из опор того, что, возможно, лет через сто назовут «идеологией нового Возрождения».

Литература

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Пер. с немецкого. Москва: Новое литературное обозрение. 2017. 272 с.
2. Васильева К. В., Пучковская А. А. «Быть петербуржцем: визуальный контент и неформальные символы города (На примере социальной сети Instagram)» // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 5 – 15.
3. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / Пер. с англ. Москва: Альпина паблишер, 2020. 354 с.
4. Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество в Горожанин: что мы заем о жителе большого города? Редактор составитель И. Фурман. Москва: Strelka Press, 2016.
5. Лайдон М., Гарсиа Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / Пер. С англ. Москва: Strelka Press, 2019. 304 с.
6. Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX – XX веков. 2е издание, переработанное и доп. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 552 с.
7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Москва: Ад Маргинем, 2014. 328 с.
8. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Пер. с франц. Москва: Научный мир, 1998. 204 с.
9. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Пер. с англ. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2016. 421 с.
10. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: Издательство политической литературы, 1994. 528 с.
12. Kulišić M., Tuđman M. Monument as a Form of Collective Memory and Public Knowledge // INFUTURE2009: Digital Resources and Knowledge Sharing. 2009. Pp. 125–133.

REFERENCES

1. Assman A. Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. Per. s nemeckogo. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. 272 p.
2. Vasil'eva K. V., Puchkovskaja A. A. «Byt' peterburzhcem: vizual'nyj kontent i neformal'nye simvoly goroda (Na primere social'noj seti Instagram)» // Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury. 2020. № 4. Pp. 5–15.
3. Krastev I., Holms S. Svet, obmanuvshij nadezhdy. Pochemu Zapad proigryvaet bor'bu za demokratiju / Per. s angl. Moscow: Al'pina pabliher, 2020. 354 p.
4. Kurennoj V. Sila slabyh svjazej. Gorozhanin i pravo na odinochestvo v Gorozhanin: chto my zaem o zhitele bol'shogo goroda? Redaktor sostavitel' I. Furman. Moscow: Strelka Press, 2016.
5. Lajdon M., Garsia Je. Takticheskij urbanizm. Kratkosrochnye dejstvija – dolgosrochnye peremeny / Per. S angl. Moscow: Strelka Press, 2019. 304 p.
6. Podoroga V. Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX – XX vekov. 2e izdanie, pererabotannoe i dop. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2021. 552 p.
7. Stjending G. Prekariat: novyj opasnyj klass / Per. s angl. Moscow: Ad Marginem, 2014. 328 p.
8. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. Per. s franc. Moscow: Nauchnyj mir, 1998. 204 p.
9. Florida R. Kreativnyj klass. Ljudi, kotorye sozdajut budushhee / Per. s angl. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber, 2016. 421 s.
10. Fukujama F. Identichnost': Stremlenie k priznaniju i politika neprijatija / Per. s angl. Moscow: Al'pina Pabliher, 2019. 256 p.
11. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1994. 528 p.
12. Kulišić M., Tuđman M. Monument as a Form of Collective Memory and Public Knowledge // INFUTURE2009: Digital Resources and Knowledge Sharing. 2009. Rr. 125–133.

SPACE AND MONUMENTS. EXPERIENCE OF SOCIO-HISTORICAL DECONSTRUCTION IN THE EPOCH OF POST-GLOBALIZATION AND "NEW URBANISM"

Dmitry G. Evstafyev

Ph.D. in Political Science, Professor, Department of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Lubov A. Tsyganova

Associate Professor, Ph.D. in History, Department of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Abstract

This article, written in the genre of academic essay, analyzes the relationship between monument and space through the prism of New Urbanism. The authors, attempting to deconstruct urban spaces in order to identify sociocultural artifacts and elements of space that create a socially significant aesthetic effect, seek to raise a number of questions that could further form the basis for a renewed discourse on the synergy of sociality and aesthetics in the post-global world. Interconnections of monuments, spaces and meanings they transmit are the focus of comprehension of cultural and historical processes, and as applied to the spaces of modern Russian cities, they reflect the ambiguity of historical processes in Russia in the 20th century and the contradictory social and socio-economic development of modern metropolitan areas. This situation significantly complicates the construction of socially structuring social communications in modern cities. The authors seek to identify and outline the systemic relationships between social processes and the formation of a new spatial aesthetics of cities, which, on the one hand, can no longer be built as a reflection of economic post-industrialism due to the crisis of globalization, at least, its economic basis. And on the other hand, the spatial aesthetics of cities is now being formed in opposition to archaicism, which can no longer be associated only with non-urbanized spaces and forms intra-urban enclaves. The authors see the main risk in the development of urban spaces is that in the absence of a dominant vector of social development, aesthetic chaotization is also quite possible, the formation of aesthetic "wastelands" in cities, filled with social archaicism and not creating a full-fledged socio-communicative environment.

Keywords: Monuments, space, sociocultural space, new urbanism, new aesthetics

Для цитирования: Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А. Пространство и памятники. опыт социально-исторической деконструкции в эпоху постглобализации и «нового урбанизма» // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 88–103.

Поступила в редакцию 15.12.2021